

Александр Бобошко

Александр Семёнович Бобошко родился в 1953 в Райчихинске. Окончил Хабаровский институт культуры, режиссёрско-театральное отделение. Работал в Хабаровском филиале Всесоюзного агентства авторских прав. В 1979 переехал в Благовещенск, работал художником-оформителем, ведущим дискотеки. Одновременно в ДК «Речник» являлся режиссёром театральной студии. Литературно-музыкальная композиция о творчестве В. Высоцкого «Он не вернулся из боя», подготовленная им в соавторстве с Николаем Парханюком, получила первое место в номинации «Патриотическое воспитание» на Всесоюзном смотре-конкурсе дискотечных театральных программ в 1981. В 2000–2011 был штатным корреспондентом газеты «Амурская правда», вёл литературное приложение «Глагол». С 2001 — артист Амурской областной филармонии, подготовил 9 авторских программ. Член Союза писателей России с 1997, выпустил 12 книг, написал более двух тысяч песен и стихотворений.

КОНЦЕРТ ПО ЗАЯВКАМ РАДИОСЛУШАТЕЛЕЙ

Это было в раннем детстве,
Ну а помню, как сейчас.

Я с друзьями вместе
По двору в вечерний час
Мяч гонял. Вдруг окрик слышу —
Говорил батяня мой:
«Навострай до дому лыжи,
Сын, немедленно — домой!»

Всё, игре конец. Не хнычу.
Бесполезно в спор вступать.
Не имел отец привычку
По два раза повторять.
Нас воспитывали строго,
А не пальчиком грозя.
Это нынче:
«Нет, не трогать,
Бить детей никак нельзя».
А тогда за дело драли
Ремешком, пинком подчас.

Вот и люди вырастали
Настоящие из нас.

Дома батя скинул брюки,
Телогрейку, влез в трико,
Аккуратно вымыл руки,
Улыбнулся широко.
Взявши радиоприёмник,
На часы взглянув, включил:
«Сядь, сынишка неуёмный,
И — немного помолчим».

В этот вечер тёплый летний
Мне к ребятам бы во двор,
Но сижу я, пятилетний,
Опустив печальный взор,
Дома с батею на лавке...

Диктор вдруг как загремит:
«На концерте по заявке
Наших слушателей мы
Всех одарим понемножку.
Всем — букет желанных нот.
Для фронтовика Бобошко
Марк Бернес сейчас споёт».

Рот раскрыл я в удивленье.
Поползли на лоб глаза.
Подмигнул отец в смущенье:
Мол, согласен, чудеса!
Я взволнован, ошарашен,
Пребываю как в раю.
Никогда не слышал раньше
Я фамилию свою
Так — по радио, в эфире —
Не от баб и мужиков,
Не в бараке, не в квартире,
А среди птиц и облаков,
Сёл амурских, городков.
Вот батяня мой каков!

«...Песня вам, Семён Иваныч,
Из картины “Два бойца”».

Затаённым в чём-то, странным,
Вдруг увидел я отца.

Явно был не в этом мире,
В даль иную он смотрел.

А Бернес сквозь треск в эфире
Под гитару песню пел:

*«Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кровати тайком ты слезу вытираешь».*

А отец мой видел вечность,
Дней минувших глубину.
В мыслях был под Молодечно —
Там, где встретил он войну.
Видел вновь бомбардировки
Сутки каждые подряд,
Где пытался из винтовки
В «Мессершмит» послать заряд.
Вновь орал ему с усмешкой
Командир: «На поле, в рожь,
Лёг скорей, дурак, не мешкай!
В самолёт не попадёшь.
Ох, с юнцами мне расстройство...
Да не стой с раскрытым ртом!
Сдохнуть глупо — не геройство.
Умирать, так знать — за что».

*«Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи...
Вот и сейчас надо мною она кружится.
Ты меня ждёшь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому знаю — со мной ничего не случится!»*

То, что видел тёмной ночью,
Замолчал про то Бернес.
Стало всё обычным очень.
Время кончилось чудес.

Вновь фамилию Бобошко
По эфиру — ни-ни-ни...
Заглянула ночь в окошко.
Фонари зажгли огни.
Ем оладьи на кефире.
Мама штопает штаны.

Вновь отец сидит в квартире.
Он опять пришёл с войны.

Год какой им в мире прожит
Без шрапнели и свинца,
Только вот с войной не может
Он расстаться до конца.

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ

Быль

1942 год, Белоруссия, небольшой немецкий концлагерь

Наших было ровно сорок. Немцев было только трое.
Наши утром выходили из ворот недружным строем,
И кричали им фашисты: «Руссиш швайн, неандертальцы!»
С автоматами — арийцы, на курках застыли пальцы.

Наших было ровно сорок. Шпалы, рельсы укрепляли.
Жили впроголодь, в сарае, на охапке сена спали.
И сказал Васильев: «Сдохнем — холода наступят скоро.
Надо нам тикать отсюда. Их лишь трое, нас ведь сорок!

Мы ломami и кирками их внезапно атакуем.
Будет жаркой эта схватка. Понимаю, что рискуем.
Да, из нас погибнет кто-то там, на рельсах, в чистом поле,
Но зато все остальные будут живы и на воле».

Но сказал в ответ Кондратьев: «Сколь война ещё продлится?
Что нам воля? Всюду — немец. Может, он уже в столице!
Здесь-то всё-таки нас кормят. Здесь мы всё-таки под крышей.
Добровольно лезть под пули не желаю. Что я — рыжий?»

Призадумались ребята, покосились брат на брата.
«Вдруг останутся все живы, только я погибну завтра?! —
Так из них подумал каждый. — Одному за всех — обидно!
Подожду, — подумал каждый, — что там дальше, будет видно».

И один тогда Васильев побежал перед обедом.
Мигom с насыпи скатился, в лес рванул, а пули следом.
Бог помог, а может, случай — только пули не задели.
Сберегли Ивана сосны, сберегли Ивана ели.

Отыскал он вскоре хутор и, дивясь своей удаче,
На хозяина, не дрогнув, он устроился батрачить.
И узнал, что «через месяц пленных новеньких прислали,
А уставших тридцать девять немцы тут же расстреляли».

И опять ловили Ваню. Ощущал к побегу рвенье,
И узнал про День Победы он в столице вальсов — Вене.
А потом домой вернулся... Прожил больше полувека
Рядовой Иван Васильев после первого побега.

Наших было ровно сорок. Немцев было только трое.

ПОСВЯЩЕНИЕ ФРОНТОВИКУ-АККОРДЕОНИСТУ

Опять наш дворик напоён
Красивой песней... Ранним утром
Играет вновь аккордеон,
Блестит вишнёвым перламутром.
Его хозяин — наш сосед,
Любитель вальса и фокстрота.
Игрок он классный, спору нет.
На слух играет, не по нотам.

Аккордеону — пятьдесят
На днях исполнилось годочков.
Играй, израненный солдат,
Последний, может, раз и — точка!
Никто не тронет инструмент,
Твоих мелодий не продолжит.
К аккордеону тяги нет
Ни у сынов, у дочки — тоже.

Сейчас ты вспомнил про Берлин,
Где уцелел один из роты,
Тот музыкальный магазин,
Где взял себе аккордеон ты.
Молчал покорно продавец,
Что взял его ты без оплаты.
Он искупал вину, подлец,
Вину неметчины проклятой.

Играл ты стоя, собран весь.
Сейчас — едва сидишь на стуле.
И только в пальцах сила есть,
Летают по клавиатуре.
Там белых клавиш — до черта!
Поменьше чёрных там бемолей.
Ах, если б в жизни тоже так,
Чтоб цвета белого поболее!

Друзья давно в земле лежат,
А у тебя пока отсрочка.
Играй, израненный солдат,
Последний, может, раз, и — точка.
Играй, сбивай с гитары спесь.
Аккордеон живёт и должен!
Жаль только, прерванную песнь
Никто сегодня не продолжит.

ПРО ГЕНРИ МОРГАНА

Он деньги, золото любил.
И скольких из-за них убил
Купцов, господ и прочих лиц,
Не знал и не стремился.
Не убиенных он считал —
Он золотой считал металл,
За ним эскадру снаряжал
И по морям носился.

А слух летел вперёд него,
Что не жалеет никого
Он, Генри Морган, гад, злодей,
Насильник хуже беса.
Он — самый яростный пират
И разодрать вам глотку рад
За фунты стерлингов и за
Полсотни жалких песо.

По Генри Моргану давно
Скучала виселица, но
От наказания уходил,
Был хитрецом огромным.
Подумал Генри как-то раз,
Хитро сощурил правый глаз,
Стёр кровь с ладоней и с сапог —
И стал судьёй Верховным.

И не случился ведь скандал!
Протестовать никто не стал,
Что вор, убийца и корсар,
Не спрятавши ухмылку,
Теперь судья. Уж много лет
Сам должен был висеть в петле —

А он других на плаху шлёт,
На каторгу и в ссылку.

Купался ранее в крови,
Сейчас — в почёте и в любви...

Да, деньги делают порой
Подобные кульбиты!

Когда судьёю быть устал,
То губернатором он стал,
И на Ямайке до сих пор
Герой он знаменитый.

P. S.

Вот парадоксы вам судьбы...

А мы-то с вами морщим лбы,
Мы ищем способы, чтоб все

Намного жили дольше —

Тогда оставим яркий след!

А нужен только пистолет,

Петля и сабля, убивать

Почаще и побольше.

За вами шлейфом — кровь, беда,

И вы в Историю тогда

Войдёте прочно. Чингисхан

И Гитлер с Пиночетом —

Убийцы, тунеядцы все!

На трон, не помню я, чтоб сел

Учёный, врач, мастеровой

Иль кто-то из поэтов!

БАЛЛАДА О СКОМОРОХЕ

Мухам — плавать в крынке. Загустеет мёд...

Свой концерт на рынке скоморох даёт.

И веселья ради (век жесток и лют)

Поспешил к эстраде весь торговый люд.

Ах, устроил праздник в серый будний день

Шут и безобразник! Мозги набекрень!

«Пляшет он не слабо! Ай да молодец!» —

Бьют в ладони бабы, нищий и купец.

Вид его отпетый: в рубище одетый,

Брякают на шапке звонко бубенцы,

Поистёрты шмутки, но — игрец на дудке!
Так сыграть не могут богачи-дельцы.

Рожа скоморошья, браги ли хлебнул,
Что не дружишь с ложью? Правду лишь одну
Вслух ты называешь, удалец, храбрец!
Про царя гутаришь: дескать, царь — подлец.

Все бояре — воры, вакуум в казне.
Царь лишь разговоры любит о стране.
Речи мягко стелет, образ создаёт,
А на самом деле на народ плюёт.

Царь не верит в Бога. Потому убого
Мы живём сегодня. В темноте — тропа.
И попы — ворюги. Нет по всей округе
Одного хотя бы честного попа.

Ох и громкий хохот! Зритель входит в раж.
Славит скомороха: «Правдолюбец наш,
Скучно нам и тяжело. Братец, для души
Спой, поэт-бродяжка, иль ещё спляши!»

Но не спеть артисту под мажорный лад.
На конях со свистом стражники летят.
Пикой — по макушке, дурня усмиря.
А не пой частушки, сволочь, про царя!

Лупят скомороха. Скомороху плохо.
Бьют его по рёбрам, метят прямо в пах.
Не агент он вражий. «Неча будоражить,
Не фиг смуту сеять в душах и сердцах.
Вот тебе, бродяге: гусли — об забор!»

.....
Все его бумаги бросили в костёр.
Дым кроваво-мглистый стлался, гой-еси.
Тяжело артисту с правдой на Руси...